

УДК 821.161.1.09

Киселёва И.А.

Московский государственный областной университет

**«ТЕСНЫЙ ПУТЬ СПАСЕНИЯ»: М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ**

I. Kiseleva

Moscow State Regional University

**“NARROW PATH OF SALVATION”: M. LERMONTOV
AND SAINT SERAPHIM**

Аннотация. В статье раскрывается идейно-религиозная общность взглядов на судьбы России Лермонтова и его святого современника преподобного Серафима Саровского, изучаются мотивы, которые являются общими для поучений преподобного Серафима Саровского и поэзии Лермонтова. Творчество Лермонтова рассматривается в контексте русского православного миропонимания, выявляются новые источники лермонтовских литературных композиций и сюжетов. Утверждается глубокая внутренняя связь пространственно-временной поэтики Лермонтова с опытом жизни великого русского старца начала XIX века.

Ключевые слова: молитва, пламень, пророчество, Россия, святое пространство, тысячелетнее Царство.

Abstract. The article deals with ideological and religious solidarity of views on the fate of Russia by Lermontov and his saint contemporary Seraphim. The author studies the motives common to Seraphim's teaching and Lermontov's poetry. Lermontov's work is considered in the context of Russian Orthodox world-view. New sources for Lermontov's literary plots and composition are revealed. The author maintains a deep inner relationship between Lermontov's poetics of chronotope and great Russian Elder's experience.

Key words: prayer, flame, prophecy, Russia, holy space, new Eden.

Никаких сведений о том, совершала ли паломничество в Саров Елизавета Алексеевна Арсеньева (одна или вместе с внуком) нет, но желанием к таким паломничествам отличалась. Так, известно, что в 1830 году Е.А. Арсеньева с близкой ей молодежью, ходила в Троице-Сергиеву Лавру. В том же 1830 году Лермонтов посещал и Ново-Иерусалимский монастырь. Это запечатлилось в таких стихотворениях, как «Нищий» (1830), «Оставленная пустынь предомной...» (1830) и других. К началу 1830-х годов появляются в творчестве Лермонтова и тексты, которые с более или менее достаточным основанием можно назвать и впечатлениями о встрече с преподобным Серафимом, или о знакомстве поэта с его жизнью и идеями в реальном ли моменте, опосредованно, или на уровне духовно-мистическом.

К 1831 году относится лермонтовский набросок «Имя героя Мстислав...», в котором один из пунктов плана таков: «Мстислав три ночи молится на кургане, чтоб не погибло любезное имя России». В заключении же лермонтовского наброска трагедии о Мстиславе (жанр предположительно) герой завещает поставить крест над его могилой. Серафим Саровский молится три года на камне, в XX век этот подвиг моления за спасение России повторяет святой Серафим (Вырицкий). И как преподобный Серафим охраняет свой подвиг молчаливостью, так и лермонтовский герой наброска о Мстиславе молчит о своем подвиге, и его упрекают

за равнодушие к судьбе и бедствиям России. Здесь не только важен момент моления, но и заостренный Лермонтовым момент молчания. Следуя святым отцам, преподобный Серафим учил, что совершенное безмолвие есть крест, на котором человек должен распять себя со всеми страстями и похотьми. Из письменных наставлений старца Серафима: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который сохранял бы твою тайну» («О хранении познанных истин»). И это есть также несение креста. То, что поэт напишет в 1837 (?) году:

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть,
Что я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть!..
Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет Тот,
Кто изобрел мои мученья...* [6, т. I, с. 214]

совсем не есть проявление пребывания в гордыне, но может быть приближением к опыту целомудренного молчания, завещанному великим старцем. Вторая часть лермонтовского стихотворения содержит сравнение лирического поэта с гранитным утесом:

*Пусть шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит...*

«Истинно верующий есть камень храма Божьего» [7, с. 116] (2 «О вере») – из наставлений преподобного Серафима. Духовное уподобление камню в поэтическом мире Лермонтова часто несет положительную нагрузку. Так, в «Молитве» 1829 года поэт обращается к Творцу:

*Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пусть, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь.* (6, с. 117)

Известно пророчество преподобного Серафима о будущем русской Церкви: «Мне, убогому Серафиму, Господь открыл, что на земле Русской будут великие бедствия, Православная вера будет попрана, архиереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия, и за это Господь тяжко их накажет. Я, убогий Серафим, три дня и три ночи молил Господа, чтобы он лучше лишил меня царства небесного, а их бы помиловал. Но Господь ответил: «Не помилую их, ибо они учат учениям человеческим, и языком чтут Меня, а сердце их далеко отстоит от Меня» [2]. В этих словах временные рамки довольно сильно приближены к тому времени, что молился Мстислав – «три ночи». Этот же сюжет находим и в стихотворении 1831 года под условным названием «Отрывок» («Три ночи я провел без сна – в тоске»):

*Три ночи я провел без сна – в тоске,
В молитве, на коленях, – степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган...
<...>*

*Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом.* [6, т. I, с. 214]

Сложное отношение в творчестве Лермонтова к образам, относящимся к официальной Церкви, связано с апокалипсическим сознанием, отсюда и в стихотворении «Бой» (1832) темная сила предстает «в одежде чернеца»:

*Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один – серебряной обвешан бахромою,
Другой – в одежде чернеца...* [6, т. I, с. 275]

Но это сознание перспективно и не является знаком отношения Лермонтова к современной ему Церкви.

Лермонтов родился в Москве, но жизнь его связана и с Чембарским уездом Пензенской губернии, где находилось имение Е.А. Арсеньевой «Тарханы». Интересно, что и

«первым жителем запустелого Старого Горо­дища, – как сообщает архимандрит Серафим (Чичагов), – был инок Феодосий (уроженец с. Помры Нижегородской губ.), пришедший сюда около 1664 г., а до того времени живший в монастыре в г. Пензе», куда затем и возвра­тился после пяти «или больше» лет. [7, 24]. Именно в Саровские леса, как в пустыню, бежит пензенский монах. Мотив пустыни для поэзии Лермонтова характерен. Можно, конечно, отдать дань романтической поэти­ке, что любит горы, моря и пустыни, но Лер­монтов больше своей «романтики», иначе он и не был бы русским гением. «Так нравились всегда пустыни мне», «Оставленная пустынь предо мной», «С ним раем почитал пустыню» – вот что приковывает внимание поэта. В «Пророке» (1841) Лермонтова есть стихи:

*Посылал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий.
И вот в пустыне я живу,
Как птица даром Божьей пищи.
Завет Предвечного храня,
Мне тварь послушна там земная:
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя [6, т. I, с. 81].*

«Божьей пищей» – травой «сниткой» пи­тается и батюшка в своей пустыньке, туда к преподобному Серафиму приходил медведь, но не в злобе звериной, а в кротости своей по отношению к образу Божью, являя собой момент послушания земной твари человеку. Именно в пустыне Лермонтов ощущает при­сутствие Божие и постигает величественную красоту природы.

Сама Россия сравнивалась иноком Фило­феем с пустыней: «И паки в Третий Рим бежа, иже еси в новую Великую Русию, се есть пус­тыня, понеже святые веры пусти быша и иже божествении апостоли в них не проповеда­ши, но последи всех просветися на них бла­годать Божия спасительная его же познати истиннаго Бога» [4]. Россия живет чаением быть третим Римом и новым Иерусалимом. Учитель Лермонтова по Московскому уни­

верситету (занимался он с ним также и на дому) А.Ф. Мерзляков в одной из универси­тетских речей провозглашал: «Да пробудятся наши бояны, парящие соколом по поднебе­сью, серым волком по темным дубравам. Да оживится благолепное царствование Север­ного Соломона – Великого Владимира!» [8]. Со Святой Землей Россия связана и в воспри­ятии Лермонтова. На полях «Мцыри» поэт делает зарисовки Ново-Иерусалимского мо­настыря, построенного по аналогии с комп­лексом на Святой земле. И недаром именно А.Н. Муравьеву, перу которого принадлежит и «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествие по святым местам рус­ским», где он сравнивает Новый Иерусалим с оригиналом, Лермонтов впервые читает поэму «Мцыри». В.А. Зандер напишет, что преподобный Серафим «словно раздвига­ет монастырские стены» [3]. У преподобно­го Серафима и свой Назарет, и Вифлеем, и холм, на котором он прочитывал слова На­горной проповеди, и свой Кедрон. Всё распо­ложено в его русском пространстве. Вот этот элемент пространственной распаханности и господства идеи над пространством мы на­блюдаем и в поэзии Лермонтова, которая вы­носит борьбу человека взыскающего Бога на реальное пространство. Для лермонтовского Мцыри именно горы, куда бежит жажду­щий свободы послушник, становятся путем к обретению покоя, именно там происходит сражение героя с тёмными силами души, ал­легорически представленных диким барсом – своеобразным двойником-«братом» героя.

Но если у преподобного Серафима святое пространство – Саров и Дивеево, то Лермон­тов переносит свои мечтания на Кавказ – Грузию. Это перенесение не может казаться странным уже потому, что Грузия – первый удел Божьей Матери, тогда как Дивеево – четвертый. И если преподобный был избран­ником Божьей Матери, то образ Богородицы является крайне важным и для поэзии Лер­монтова. Заметил это и Д.С. Мережковский, а о. П. Флоренской указывал, что стихотворе­ние «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»

«возникло в тревожной и мятущейся душе Лермонтова» как откровение Богородичной иконы. Явление Божьей Матери в день Благовещенья преподобному Серафиму есть откровение, но высшего свойства, иконы «Умиления», перед которой молился старец. Молился и за «сирот дивеевских». Так и Лермонтов пишет в «Молитве» 1837 года:

*Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную
За душу странника в мире безродного;
Но я хочу вручить деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного [6, т. I, с. 15].*

Начиная стихотворение с обращения, поэт уже в первом стихе акцентирует момент конкретности; именно «ныне» молится он не о себе, что говорит о том, что поэт обращался к «Теплой Заступнице» мира холодного и ранее: о «спасении», «перед битвою», «с благодарностью», «с покаянием»; здесь молитва – прошение за другого, за «деву невинную».

Пресвятая Богородице в церковных молитвах к Ней предстает именно как «Мати и заступница». Именно с образом Божией Матери связано спасение России в самые её тяжёлые времена. Казанская, Владимирская, Тихвинская, Смоленская и другие чтимые образы Пресвятой Богородицы не раз спасали русскую землю, и в тот момент «когда царей корона упадёт» (слова Лермонтова), именно образ Державной Божьей Матери дал надежду на будущее избавление России.

Преподобный Серафим пророчествовал: «Когда Антихрист придёт и начнёт срывать кресты церквей, такая скорбь начнётся на русской земле, что ангелы не будут попевать возносить к Господу души погибших» [2]. В стихотворении «Предсказание» 1830 года Лермонтов напишет:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;*

*Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь
.....
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймёшь,
Зачем в руках его булатный нож.
.....
И будет все ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом [6, т. I, с. 151].*

Но тот же Лермонтов в поэме 1832 года «Измаил-бей» напишет:

*Настанет день, и новый грозный Рим
Украсит Север Августом другим.*

«Настанет год» и «настанет день» – это совпадение не случайно. Как замечал Б.М. Эйхенбаум; Лермонтов мыслит словесными блоками, из которых и собирается смысл целого. В стихотворении «Спор» (1841) также видим обещание могущества северной державы:

*От Урала до Дуная,
До большой реки
Колыхаясь и сверкая
Двигутся полки... [6, т. I, с. 71].*

Преподобный Серафим о судьбе России. «Россия претерпит много бед и ценой великих страданий обретёт великую славу. Она объединит православных славян в одну могучую державу, страшную для врагов Христовых» [2].

Владимир Николаевич Ильин писал о преподобном Серафиме: «Словно его явлением дано нам познать, в чём должно быть таинственное тысячелетнее царствование святых, о котором в величавой прикровенности сказано в 20 главе Откровения святого Иоанна Богослова» [5]. Это тысячелетнее Царство Святых приоткрывает нам и Лермонтов: у него есть живое знание той жизни, что возможна за гробом, но он не признаёт себя достойным её, что, в принципе, не противоречит своей смирностью опыту православия.

Протоиерей Валентин Свенцицкий писал об образе преподобного Серафима, что он «есть образ святости русского народа. <...> Он – это мы сами, но поднятые из грязи, очищенные подвигом, просветлённые благодатью Божией» [9]. Это очень верно и в случае с Лермонтовым. Герой Лермонтова Мстислав по прозвищу Чёрный (что получил из-за задумчивости, как поясняет Лермонтов) как раз и мечтает просветиться через спасение родины от бедствий. И это спасение он видит не только в конкретной борьбе с реальными врагами русской земли, но и в молитве. В сюжетной основе задуманного Лермонтовым произведения лежит действие любви-страсти, которая характеризует силу и благородство личности героя, но развязка связана с осознанием губительности страсти: спасение своей любезной мешает герою спасти родину.

Св. Серафим говорил своему служке Мотовилову: «Благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутри нас есть» [1]. Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святого», Благодать Святого Духа и стяжается сердечной молитвой, опыт которой имел Лермонтов. По поводу стихотворения Лермонтова «В минуту жизни трудную...» (1839) оптинский старец Варсонофий прямо говорил, что «это об Иисусовой молитве написано». В раннем стихотворении 1830 года «Н.Ф. И...вой» поэт напишет:

*Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился.
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился.
К тому, чему даны в залог
С толпою звезд ночные своды
И что уразуметь я б мог
Через мышления и годы [6, т. I, с. 121].*

Опыт сердечной молитвы, опыт соединения ума с сердцем чрезвычайно важен для формирования личности Лермонтова и его художественного мира.

Внутренний огонь, «пламень чувства» является, по мысли Лермонтова, знаком божественного происхождения человека. К образу внутреннего огня как источника стремлений человека к совершенству Лермонтов обращался не раз. В раннем стихотворении «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась», 1830) поэт пишет:

*Хранится пламень неземной
Со дня младенчества во мне,
Но велено ему судьбой,
Как был, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я [6, т. I, с. 139].*

Беседа человека со своим внутренним «я», восприятие «сердечных слов» спасает человека от одиночества среди людского мира, где живёт «как камень меж камней»:

*Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при шибке камней звук
Проникнет в середину их? [6, т. I, с. 139].*

В тексте (для печати не предназначенном) осознаётся духовное бессилие, но есть и смирение, необходимое для духовного роста, есть осознание своего недостойнства. Уже по причине того, что стихотворение не закончено, нельзя говорить о констатации обречённости к аду. Старец Силуан Афонский советовал «держатъ ум во аде» и не отчаиваться. Стихотворение Лермонтова продолжается видением иного мира:

*Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.
Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей... [6, т. I, с. 141].*

В 1839 году Лермонтов напишет стихотворение «Ребёнка милого рожденье...», где есть стихи:

*Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных.*

То есть поэт желает благословения такого человека, как Преподобный, о ком Богородица сказала: «Сей рода нашего». Именно будущего «чистейших существ» он желает любимому ребёнку, но не «мук любви, ни славы жадных дум», то есть ничего из того, что ведёт к смерти:

*Да будет он отца достоин,
Как мать его прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как Божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрёка
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!* [6, т. I, с. 127].

Эти наставления ребёнку причастны и к наставлениям преподобного Серафима «О неосуждении ближнего и о прощении обид». Именно следование таким советам и открывает путь к миру, изображённому в «Отрывке» («На жизнь надеяться страшась...»):

*К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целью одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной* [6, т. I, с. 141].

Примечательно, что начиная с формы 1 лица единственного числа «я» поэт затем переходит к «мы». Здесь уж звучит тот пафос обличения своего поколения, что и в знаменитой «Думе». И если в «Отрывке»: «Лицо мое вам не могло / Сказать, что мне пятнадцать лет. / И скоро старость приведёт / Меня к могиле...», то в «Думе»: «Богаты мы, едва из колыбели, / Ошибками отцов и поздним их умом, / И жизнь уж нас томит <...> И к гробу мы спешим без счастья и без славы...». Лермонтовский «Отрывок», таким образом, не только исповедь, но и проповедь о губительности греха и о Царстве праведников. «Мучение в геенне есть раскаяние» – это слова Ефрема Сирина из сборника «Добротолюбие», который почитал преподобный Серафим и с которым был хорошо знаком Лермонтов. Ушедши на свою последнюю дуэль, Лермонтов оставил на столе раскрытый том «Добротолюбия», подаренного ему князем В.Ф. Одоевским.

Товарищ детских игр поэта Аким Шан-Гирей, сохранивший на всю жизнь искреннюю привязанность к своему двоюродному брату, оценивая творчество Лермонтова, писал, что «безнравственной идеи «тот иметь не мог и «хотя он и не отличался особенно усердным выполнением религиозных обрядов, но не был ни атеистом, ни богохульником» [10]. Лермонтов воспитывался в православной среде, и в практике Церкви участвовал, что известно достоверно. Бабушка поэта Елизавета Алексеевна Арсеньева, по свидетельствам окружающих, отличалась искренней религиозностью и воспитывала своего внука в соответствии с правилами воспитания православного. И постановка проблемы преподобный Серафим Саровский и его младший современник Лермонтов вполне реальна и имеет под собой глубокие основания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беседа старца Серафима с Н.А. Мотовиловым о цели христианской жизни / Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. – М., 2000. – С. 385.
2. Грядущие судьбы России. Пророчества Серафима Саровского / «День». – 1991. – №1. – С. 7.

3. Зандер В.А.. В обители преподобного Серафима. Историческая рамка к образу преп. Серафима. / Русское Возрождение. – Москва-Нью-Йорк – Париж, 2003. – № 82. – С. 57.
4. Идея Рима в Москве XV – XVI веков. Источники по истории русской общественной мысли. Под ред. П.Каталано, В.Т.Памуто. – Roma, 1993. – С.171-172.
5. Ильин В.Н.. Преподобный Серафим – отрада земли русской / Русское Возрождение. Нью-Йорк – Москва – Париж, 2003. №82. С. 37
6. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 тт. – М., 1957.
7. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Нижегородской губернии Ардатовского уезда. Составил архимандрит Серафим (Чичагов). – Н. Новгород, 2004. – С.111.
8. Прийма Ф.Я. Отзвуки «Слова о полку Игореве» в поэзии М.Ю.Лермонтова / Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в историко-литературном процессе первой трети 19 в. – Л., 1980. – С.198.
9. Свенцицкий В., протоиерей. Преподобный Серафим. Дивеево, 1996. – С. 3 – 4.
10. Шан-Гирей А. П.. Лермонтов / Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 47.